

**Коновалов Валерий Николаевич**

доктор философских наук, профессор,  
заведующий кафедрой конфликтологии  
Южного федерального университета

**Чернобровкин Игорь Павлович**

доктор философских наук,  
профессор кафедры конфликтологии  
Южного федерального университета

**МИРОТВОРЧЕСТВО  
И ГЕГЕМОНИЯ:  
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ  
ПРИНУЖДЕНИЯ К МИРУ**

**Аннотация:**

*В статье критически анализируется миротворческая практика принуждения к миру в виде двух стратегий: «баланса сил» и «выбора победителя». Оцениваются условия эффективности, юридической и моральной легитимности стратегий. Миротворчество превращается в меры разрушения мирного сотрудничества народов, если используется мировыми державами в гегемонистских целях. Сегодня анализируемые миротворческие стратегии требуют участия мирового сообщества в рамках международного гуманитарного права и Устава ООН.*

**Ключевые слова:**

*миротворчество, принуждение к миру, миротворческие стратегии, стратегия баланса сил, стратегия выбора победителя, международное право.*

**Kononov Valeriy Nikolaevich**

D.Phil., Professor,  
Head of the Department of Conflict  
Southern Federal University

**Chernobrovkin Igor Pavlovich**

D.Phil.,  
Professor of the Department of Conflict  
Southern Federal University

**PEACE-MAKING CREATIVITY  
AND HEGEMONY:  
CRITICAL ANALYSIS STRATEGIES  
PEACE ENFORCEMENT**

**Summary:**

*In article peace-making practice of compulsion to the world in the form of two strategy is critically analyzed: «balance of forces» and «a choice of the winner». Conditions of efficiency, legal and moral legitimacy of strategy are estimated. Mirotvorchestvo turns to measures of destruction of peace cooperation of the people if it is used by world powers in hegemony the purposes. Today analyzed peace-making strategy demand participation of the world community within the limits of the international humanitarian right and the United Nations Charter.*

**Keywords:**

*mirotvorchestvo, compulsion to the world, peace-making strategy, strategy of balance of forces, strategy of a choice of the winner, international law.*

В последние десятилетия в миротворческой практике ООН получили распространение реактивно-наступательные операции, именуемые «Peace Enforcement». Данный термин на русский язык переводится как «принуждение к миру», «навязывание мира», «расширенные операции по поддержанию к миру» и др. В Уставе ООН (раздел VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии») говорится о принудительных мерах/действиях с целью поддержания или восстановления мира. Сочетание «принуждение к миру» само по себе там не используется, но в русскоязычной литературе оно действительно встречается часто [3, с. 110–113]. В отличие от защитных миссий по поддержанию мира, имеющих целью предотвращение массовых страданий и гибели местного населения, стратегии принуждения к миру предусматривают прекращение этнического насилия военными средствами и содействие устойчивому, длительному внутрисударственному миру посредством гражданского строительства. В практике миротворчества последних десятилетий чаще применяются две стратегии принуждения к миру – баланс сил и выбор победителя. Рассмотрим разноуровневые факторы, определяющие эффективность и легитимность этих стратегий, применяемых в управлении этнонациональными конфликтами.

Стратегия баланса сил предназначена трансформировать вооруженную борьбу в тупиковое состояние, в котором антагонисты вынуждены отказаться от насилия. Равновесие сил достигается укреплением военных структур слабой стороны. В период оказания военной помощи правительству или оппозиционной этноорганизации стратегию баланса применяет внешнее государство или международные организации. По мнению М.М. Лебедевой, стратегия военного баланса основывается на допущении, что тупик, оканчивающийся пропастью (или неминуемое ухудшение позиций), побуждает противников сесть за стол переговоров [1, с. 179–182]. Главная задача балансовой миссии состоит в том, чтобы вооруженная борьба была невыгодной для ее участников.

Стратегия баланса предусматривает мобилизацию местных союзников, популярных и компетентных в военном отношении. Низкая активность группы-клиента и слабое лидерство приводят к неудаче балансовой миссии. В случае размещения миротворческих контингентов в конфликтном регионе, они встретят меньшее сопротивление, если лидеры-клиенты имеют местную поддержку. В 90-х гг. в борьбе против бааского режима США обеспечивали военно-воздушное прикрытие курдов, поддерживаемое авторитетными лидерами Северного Ирака. Присутствие российской армии в самопровозглашенной Приднестровской республике демонстрировало помощь русскоязычному населению в конфликте с экстремистами Молдовы и бесперспективность насильственной борьбы. Популярность правительства Приднестровья делала российскую балансовую миссию менее трудной.

Стратегию баланса выгоднее применять на территории с естественным защитным рельефом. Например, горы Афганистана позволяют противостоять превосходящему противнику. По этой причине были успешными западная помощь моджахедам против советской армии в Афганистане в 80-х гг. и последующая российская помощь антиталибским силам в 2002 г. Горы, реки и другие географические препятствия компенсировали военное превосходство противника. Открытая местность, более пригодная для атаки, может быть использована в защитных целях, если союзник контролирует воздушное пространство и помогает обнаружить и разрушить крупные военные объекты.

Условием успеха балансовой стратегии является координация действий пограничных государств и миротворческих сил. Военная поддержка клиента не приведет участников конфликта к мирным переговорам, если региональные государства оказывают помощь антагонисту, увековечивают неравновесие сил и надежду на окончательную победу. По мнению Г. Хове, неудача балансовой миссии межафриканских вооруженных сил (ЭКОМОГ) в Либерии была вызвана межгосударственным напряжением в Западной Африке. ЭКОМОГ выступал против вооруженной группировки Ч. Тейлора, которого поддерживали Ливия и Буркина-Фасо [11, р. 145–176].

Содействующим условием балансовой миссии будут ограниченные цели местной оппозиционной элиты, стремящейся к политической автономии, а не к сецессии. Клиента с ограниченными целями легче контролировать, и оппонента с ограниченными целями легче сдерживать. ЭКОМОГ в Либерии испытывал трудности сдерживания военной группировки Ч. Тейлора – сторонника этнически гомогенного государства. Если участники конфликта преследуют тотальные военные цели, миротворческие контингенты не могут быть выведены из страны без нарушения баланса сил.

Стратегия баланса требует широких военных и политических обязательств, готовности к наращиванию военного присутствия для достижения равновесия сил в конфликтном регионе и постоянной дипломатической поддержки союзников. По этим причинам престиж и интересы государств-интервентов всегда поставлены на карту, и итоги операции сохраняются в исторической памяти.

Относительно других стратегий балансовый подход имеет несколько преимуществ. Он привлекателен для клиентов, озабоченных своей безопасностью вследствие затяжных конфликтов. Баланс основывается на равенстве военных сил, а не кооперации сторон. Он уменьшает групповую уязвимость и повышает способность к самозащите.

Стратегия баланса осуществима ценой малых военных потерь стран-интервентов. Военная помощь и воздушная поддержка НАТО позволила боснийским мусульманам обороняться от сербов в Боснии. В 1995 г. закупки вооружения и иностранные советники усилили стотысячную хорватскую армию, захватившую контролируруемую сербами хорватскую Краину. А. Найер отмечает, что в сравнении с кровопролитностью конфликтов и нарушением законов войны в бывшей Югославии, персонал шестидесятитысячной группировки НАТО не имел существенных потерь [2, с. 326]. Балансовая миссия может завершаться в обозримый период. Если участники конфликта признают невозможность военной победы, миротворческие силы покидают конфликтный регион или сокращают свое присутствие.

Миротворческие последствия балансовой миссии ограничены. Она создает военный паритет между этноорганизацией и центральным правительством, что увеличивает потенциал разделения государства де-факто.

В августе 2008 г. Россия успешно осуществила балансовую миссию в осетино-грузинском конфликте. Сохранение российских военных контингентов на территории самопровозглашенной Южной Осетии вело к разделению Грузии де-факто. Учитывая угрозу безопасности южноосетинского и абхазского народов со стороны грузинских экстремистов, Россия перешла от балансовой миссии к стратегии разделения, означавшей внешнее признание суверенитета Южной

Осетии и Абхазии. Аналогичную смену стратегий ранее применили страны ЕС в косовском конфликте.

Стратегия баланса не обеспечивает местный устойчивый правопорядок. Отсутствие общей власти приводит к распространению бандитизма и мародерства. Более того, по словам Д. Боймана, балансовая миссия создает терпимую «тупиковую ситуацию» для экстремистов [7, р. 198]. И активность экстремистов направлена против бывших покровителей. Например, индийская поддержка ланкийских тамиллов побудила сингальское правительство Шри-Ланка пойти на компромисс в вопросах этнического представительства тамиллов, что было отвергнуто тамильскими радикалами. Они использовали переданное Индией оружие и перешли к партизанским и террористическим методам борьбы. Когда индийское правительство стало сотрудничать с ланкийским правительством, тамильские экстремисты организовали убийство бывшего индийского премьер-министра Р. Ганди в 1991 г.

Балансовая миссия создает равновесие сил военными средствами и испытывает недостаточность международной легитимности. По мнению Ю. Хабермаса, стратегия баланса, применяемая без мандата ООН, нарушает нормы международного права. Вооруженная миссия становится вмешательством во внутренние дела суверенного государства, что означает нарушение запрета на интервенцию [5, с. 26]. Государства конфликтного региона отрицают внешние попытки вооружения своих потенциальных противников. Например, в последнее десятилетие Турция выступала против американской военной поддержки иракских курдов, способных обострить турецко-курдский конфликт. Следовательно, главный недостаток стратегии баланса состоит в том, что она увеличивает вероятность разделения государства де-факто. Она не обеспечивает местный устойчивый правопорядок, испытывает недостаточность международной легитимности и без мандата ООН оценивается агрессией.

Стратегия выбора победителя означает внешнюю военную помощь участнику этнонационального конфликта для достижения его полной победы. Она предусматривает военное вмешательство мирового сообщества во внутригосударственный конфликт, свидетельствующий о неспособности правительства контролировать гуманитарный правопорядок на своей территории. Поддержку миротворцев получает та политическая сила в государстве, которая способна в будущем обеспечивать длительную и устойчивую мирную жизнь в обществе. Стратегия имеет два варианта: умеренный – смена правительства и радикальный – изменение режима. В радикальном варианте сочетаются философские установки реализма и неолиберализма. В основе стратегии находится реалистское, не лишенное цинизма, допущение: если внутригосударственная война неизбежна, кратковременная война лучше длительной войны. Стратегия содержит неолиберальную ориентацию на распространение демократии в глобализованном мире. По мнению А. Купермана, игнорирование стратегии выбора победителя может увеличить насилие в этнонациональном конфликте. На примере Руанды 1994 г. Куперман делает следующий вывод: если бы другие страны (кроме Уганды) оказали военную помощь Руандинскому патриотическому фронту в его борьбе с режимом, проводившим политику геноцида, можно было бы избежать полномасштабной гражданской войны [12, р. 94–118].

В большинстве гражданских войн участники стремятся к окончательной победе над противником. После Второй мировой войны только 30 % вооруженных этнонациональных конфликтов завершились переговорами без разделения государства. Тенденция победоносного вооруженного конфликта сохраняется в период после холодной войны. 75 % этнонациональных конфликтов возобновлялись гражданской войной [6, с. 177]. Стратегия выбора победителя предназначена прервать возобновление местной войны.

Стратегия выбора победителя применялась сверхдержавами и союзниками в период холодной войны. Например, в Анголе СССР и Куба оказали военную поддержку ФНЛА, тогда как союзником УНИТА были США и ЮАР. После ухода из Афганистана советских войск, Россия продолжала поддерживать режим Наджибулы. Поведение сверхдержав служило моделью для других стран, но в миротворческих целях. Например, в 1971 г. Индия успешно осуществила выбор победителя в гражданской войне в Пакистане и оказала военную помощь Восточному Пакистану против сил Западного Пакистана. В 1979 г. Танзания вторглась в Уганду на стороне бывшего президента М. Оботе, руководившего борьбой против этнических репрессий диктатора И. Амина. В 1996–1997 гг. Уганда, Руанда и Ангола оказали эффективную военную помощь оппозиционным силам Л. Кабилы Заира в борьбе с диктатором Мобуту.

Интервенция НАТО в Косово является миротворческой попыткой применения стратегии выбора победителя. Своими воздушными бомбардировками Сербии (78 дней) НАТО помогла косовским боевикам получить автономию де-факто. НАТО скрыто руководила действиями косовских сепаратистов и выполняла инициативную роль косовской армии. После своей победы руководство НАТО не решилось на создание косовского независимого государства, временно

признало сербский суверенитет на спорную территорию, и надеялось на будущее отделение Косово с помощью ООН. Блокирование в СБ ООН косовского отделения побудило НАТО обратиться к стратегии разделения югославского государства. [4, с. 101–104]

Успех выбора победителя вероятнее в том случае, если клиент имеет широкую поддержку местного населения. В Бангладеш Индия оказала военную помощь партии «Народная лига», победившей на всеобщих выборах в 1970 г., в 1994 г. армия США (имевшая мандат ООН) способствовала восстановлению в Гаити популярного правительства Ж. Аристида, свергнутого военным переворотом в 1991 г. Напротив, ненависть населения к Пол Поту в Камбодже, Амину в Уганде, Мобуту в Заире привели к свержению этих диктаторов в ходе военной интервенции.

Военная компетенция местных лидеров, усиливающая их популярность, относится к дополнительному фактору стратегического успеха. Например, в Заире «Союз за демократию и социальный прогресс», руководимый Кабиллой, был более организованным и управляемым, нежели правительственная армия, утратившая военную дисциплину. Стратегия выбора победителя легче осуществима, если противник остается слабым в военном отношении. Сторонники Аристида в Гаити не были боеспособными. Роль аристидовской армии, президентской гвардии и полиции выполнял американский военный контингент. Ему противостояли гаитянские военные, потерпевшие поражение в первом же бою.

Стратегия выбора победителя чаще применяется в конфликтных регионах, где отсутствует равновесие сил пограничных государств и великих держав. Данная закономерность существовала в эпоху холодной войны и постхолодный период. В Афганистане массивная советская помощь режиму Наджибулы не спасла его от поражения из-за помощи моджахедам со стороны Пакистана, Саудовской Аравии, Ирана и США. В постсоветском Таджикистане удалось предотвратить повторение гражданской войны благодаря российским войскам, оказывающим помощь правительству Э. Рахмонова в нейтрализации вооруженных фундаменталистов, поддерживаемых афганскими талибами, арабскими и мусульманскими донорами. По мнению Ю. Хабермаса, в бывшей Югославии США и натовских союзников ожидал стратегический успех, поскольку СБ ООН был «заблокирован в своих решениях», а Россия перестала быть активным союзником Белграда [5, с. 25].

Стратегия выбора победителя имеет наступательный характер. Ее труднее применить в географическом регионе с защитным рельефом. Горная территория затрудняет наступление всех видов вооруженных сил. С большим успехом стратегия применяется на равнинной территории. В Бангладеш пакистанское правительство вело этническую войну вдоль индийской границы, протяженностью 2,6 тыс. км, что позволило превосходящей индийской армии использовать равнины для победы над Пакистаном. Успешные усилия по свержению геноцидных правительств в Камбодже, Уганде, Заире свидетельствуют, что горы и джунгли не являются главным препятствием стратегии выбора победителя.

Государство, применяющее стратегию выбора победителя, подвергает риску свои интересы и престиж. Миссия может затянуться, привести к росту жизненных потерь и непродуктивному использованию ресурсов. К данной стратегии обращаются правительства, уверенные в позитивных последствиях своих действий и в ответственности союзников.

Д. Бойман обращает внимание на ограниченную эффективность выбора победителя по причине смены правительства или режима [7, р. 202]. В перспективе стратегия война должна быть кратковременной и с минимальными потерями человеческих жизней и ресурсов. Такие войны – редкое явление. В условиях отсутствия дееспособного местного правительства военная победа сопровождается грабежами и мародерством, партизанской и террористической войной. Временный военный режим до передачи власти гражданскому правительству означает принудительный мир и будущие социальные волнения. Хотя беспорядки отличаются от гражданской войны меньшим числом жертв и разрушений собственности, население продолжает подвергаться спорадическому насилию. Военная победа в конфликте приводит к временному доминированию одной этногруппы в обществе. Возникают статусные проблемы побежденной этногруппы и ее лидеров, что увеличивает сроки присутствия миротворцев в регионе.

Стратегия выбора победителя включает миростроительные задачи, связанные с созданием институтов, обеспечивающих правопорядок, справедливое распределение экономических ресурсов и равновесие политической власти конкурирующих этногрупп, препятствующих их одностороннему доминированию. Создание гражданского правительства в результате честных демократических выборов и вывод миротворческих сил означает окончание миссии. Неспособность миротворцев решать миростроительные задачи оборачивается новой гражданской войной. Об этом свидетельствует, например, ситуация в нынешнем Ираке.

После победоносного свержения весной 2003 г. режима С. Хусейна миротворческой коалицией, возглавляемой США, в течение последующих лет миростроительные задачи не были

решены. В первой фазе оккупации миротворцы не смогли обеспечить защиту гражданского населения от грабежей, защиту от мародерства больниц, национальных музеев, библиотек и других публичных строений. Не были созданы дееспособные правоохранительные органы, и закончилось неудачей разоружение экскомбатантов. Не улучшились социально-экономические условия жизни иракцев. В последующие два года, в связи с ростом иракского недовольства затяжной оккупацией, коалиционные силы могли сократить сроки своего пребывания. Но в 2004–2005 гг. сохранялся риск хаоса, особенно в случае передачи власти гражданскому правительству. Первый «проконсул» Ирака, пентагоновский назначенец Д. Гарнер делал ставку на курдских представителей и иракских политэмигрантов в качестве будущих правителей страны, имевших низкую поддержку населения. Сменивший Гарнера П. Бремер сделал ставку на шиитских и курдских лидеров, что вызвало недовольство суннитов, раскол общества и споры о распределении доходов от нефтедобычи в курдском и шиитском регионах. Росло межэтническое напряжение по поводу статуса Киркука и других спорных территорий. Вопреки намерениям миротворческой администрации создать общенациональную дистрибутивную систему, нефтяной сектор Ирака оказался под контролем теневого рынка. В нем были заинтересованы лидеры местных общин, желающие иметь прямой доступ к доходам от нефтяной продукции.

Принятие конституции и демократическое избрание иракского правительства национального единства в 2006 г. не способствовали смягчению внутриобщественного напряжения. В 2006 г. в Ираке, после объединения этнорелигиозных общин с вооруженными группами, началась гражданская война. Она ведется между суннитами, шиитами и курдами террористическими средствами и одновременно направлена против присутствия военных сил США в Ираке. Около 100 американских миротворцев погибали каждый месяц. Еще выше потери гражданского населения [13, р. 30].

Неудача стратегии победителя в Ираке обусловлена ошибочным внешнеполитическим курсом США. В период президентства Дж. Буша произошло грубое изменение американской внешней политики, проблема которой состояла не в способности США подчинить себе мир, но – как это осуществить. Если непосредственные предшественники следовали традиционному вильсоновскому подходу строительства мирового порядка, основанного на норме права, то бушевская администрация избрала иное направление, содержащее два принципа, следование которым усиливались событиями 11 сентября: 1) максимум свободы действий США в достижении внешнеполитических целей означает, что международные права и многосторонние соглашения могут быть отброшены; 2) американское могущество должно использоваться для изменения своего статус-кво в мире. И. Даалдер и Дж. Линдсей отмечают, что каждый из принципов имел своих поборников в американской администрации. Первый принцип отстаивали «агрессивные националисты» Д. Чейни и Д. Рамсфелд, тогда как второму принципу следовали сторонники «демократического империализма» во главе с П. Вольфовицем. Президент Буш не был послушным инструментом своих советников. Изменение внешнеполитического курса осуществлялось по его инициативе [8, р. 12–13]. В миротворчестве смена курса означала приоритет односторонних военных операций.

При подготовке гуманитарной интервенции в Ираке США отбросили главные схемы миротворческой кооперации, установленные ООН, заявили, о «коалиции сил» и принципе унилатерализма – «кто не с нами, тот против нас». Американская администрация проводила политику разделения НАТО, чтобы изолировать несогласных с унилатерализмом Францию и ФРГ и вовлечь в военную операцию Турцию. США, вместе с Т. Блейром, разделяли ЕС, добивались поддержки интервенции со стороны нескольких давних членов и большинства новых членов ЕС. В политических и академических дискурсах политика американской гегемонии тематизируется в понятиях «неоколониализма» или будущей «глобальной империи». Но заслуживает внимания точка зрения С. Хоффмана, который видит в новой политике США желание возврата к международным отношениям до 1914 г., когда действовал принцип *jus in bello* (соразмерности), определявший способы применения военной силы государства, но не его цели. США желает отбросить принцип *jus ad bellum* (правое дело), определяющий цели легитимного применения силы и процедуры, санкционирующие обращение к силе [10, р. 6]. В миротворчестве утверждение принципа права сильнейшего оборачивается мироразрушением. Создается опаснейший прецедент, подрывающий международное право.

Раннее решение Дж. Буша поручить восстановление Ирака Пентагону подтверждало решающую роль во внешней политике американского министерства обороны, которое оно начало играть в период правления Клинтона. По наблюдениям С. Хоффмана, «в министерстве обороны узкий круг неоконсерваторов и сторонников жесткого израильского курса разделяли грандиозную иллюзию использования Ирака в качестве модели демократизации мусульманского мира» [10, р. 8]. Модель предполагала, что либеральная демократия, проамериканизм и

смягчение арабо-израильских отношений могут быть осуществлены одновременно, и арабский национализм, популизм и религиозные побуждения не будут результировать в антиамериканизм и во враждебное отношение к Израилю. Не учитывалось, что проблемы терроризма, Аль-Каида, нераспространения ядерного оружия и бедности большей части стран мира требуют огромных ресурсов, которыми не располагает в отдельности ни одна нация, включая США. Если бы арабские и иранские правительства приняли либеральные реформы, это могло бы произойти вследствие внутреннего давления, а не ожидаемых демократических перемен в Ираке. Навязывание Ираку западного образца демократии восстанавливало мусульманский мир против США, что сегодня начинает признавать новая американская администрация Б. Обамы.

Ирония и трагедия гуманитарной интервенции в Ираке состоит в том, что США – главная западная держава – вопреки ранее заявленному гуманитаризму и многостороннему проекту международного порядка под влиянием прошлых миротворческих неудач в Сомали (1993 г.), Афганистане (2001 г.) и вследствие гегемонистских амбиций склоняются к односторонним политическим акциям на международной арене. Эта политика ориентирована на использование военной силы и пересмотр норм международного права за счет использования «превентивной войны». В то же время многосторонний подход в создании мира в Ираке оказывается востребованным после гуманитарной интервенции. От дипломатических усилий мирового сообщества зависит национальное примирение в Ираке, которое, вероятно, достижимо даже ценой отказа от западного образца демократии. Растущий в Ираке антиамериканизм (79 % населения) [13, р. 29] не вызван завистью и негативным отношением к западным ценностям. Он вызван ошибочной практикой миротворчества, в основе которой находятся двойные стандарты и двусмысленные уверения, невежество и высокомерие, ложные допущения и сомнительная политика сверхдержавы. Такая практика миротворчества, видимо, ускорила пересмотр и принятие новых планов участия американских войск в Ираке. Согласно плану Обамы, войска США будут полностью выведены из Ирака к концу 2011 г. Президент пообещал прекратить боевые действия в Ираке 31 августа 2010 г. Однако в стране еще более года будут оставаться от 35 до 50 тысяч американских солдат. Ранее сообщалось, что переходный контингент будет помогать иракским силам безопасности поддерживать порядок в стране [9, р. 3].

Ограниченность стратегии выбора победителя связана с высокой вероятностью затяжного характера гуманитарной интервенции по причине смены правительства или режима и борьбы с экстремизмом. Стратегия требует многостороннего участия мирового сообщества в рамках международного гуманитарного права и Устава ООН.

#### **Ссылки:**

1. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. Подходы, решения, технологии. М., 1997.
2. Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000.
3. Никитин А.Л. Международные конфликты и их регулирование // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник 2005. М., 2006.
4. Федоров С. Косовское поле в Европу для Франции // Международная жизнь. 2008. № 5. С.101–104.
5. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
6. Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов н/Д, 2003.
7. Byman D. Keeping the Peace: lasting solutions to ethnic conflicts. L., 2001.
8. Daalder J. and Lindsay J. America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington, Brookings Institution Press, 2003.
9. IraqStatusReport, March 4, 2009. 24 p. URL: [www.state.gov/documents/organization/120285.pdf](http://www.state.gov/documents/organization/120285.pdf)
10. Hoffman S. America Goes Backward // The New York Review of Books. Vol. 50. № 10. June 12. 2003. P. 1–15.
11. Howe H. Lessons of Liberia: ECOMOG and Regional Peacekeeping // International Security. 1997. V. 21. № 3. P. 145–176.
12. Kuperman A. Rwanda in Retrospect // Foreign Affairs. 2000. Vol. 79. № 1. P. 94–118.
13. The Iraq Study Group Report. James A. Baker, III, and Lee H. Hamilton. N.Y., 2006. December.

#### **References:**

1. Lebedeva M.M. Political settlement of the conflict. Approaches, solutions and technologies. M., 1997.
2. Neier A. War crimes: genocide. Terror. The struggle for justice. M., 2000.
3. Nikitin A.L. International conflicts and their regulation // World Politics: Theoretical problems of identification and modern development. Yearbook 2005. M., 2006.
4. Fedorov S. Kosovo field in Europe for France // International Affairs. 2008. № 5. P.101-104.
5. Habermas J. Chopped West. Moscow, 2008.
6. Chernobrovkin I.P. Ethnonational conflict: the nature, types, and social control. Rostov n/D, 2003.
7. Byman D. Keeping the Peace: lasting solutions to ethnic conflicts. L., 2001.
8. Daalder J. and Lindsay J. America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington, Brookings Institution Press, 2003.
9. IraqStatusReport, March 4, 2009. 24 p. URL: [www.state.gov/documents/organization/120285.pdf](http://www.state.gov/documents/organization/120285.pdf)
10. Hoffman S. America Goes Backward // The New York Review of Books. Vol. 50. № 10. June 12. 2003. P. 1-15
11. Howe H. Lessons of Liberia: ECOMOG and Regional Peacekeeping // International Security. 1997. V. 21. № 3. P. 145-176.
12. Kuperman A. Rwanda in Retrospect // Foreign Affairs. 2000. Vol. 79. № 1. P. 94-118.
13. The Iraq Study Group Report. James A. Baker, III, and Lee H. Hamilton. N.Y., 2006. December.